

муж за «нового русского». Выкрутасов восторженно принимает буйство непогоды в Москве. «Ураган! Боже мой, какой ураганище! — восклицает герой. — Это обновление! Это очищение!» На протяжении 3 недель «русский ураган» несет героя, меняет его, закаляет. Ураган помогает герою вернуться «на круги своя» — в родной Светлоярск, к нормальной жизни, жениться и заняться любимым делом — футболом. Выкрутасов чувствовал себя «ураганом, возвращающимся на круги своя».

Образ русского урагана проходит через все повествование С. Символика русского урагана связана с идеей возвращения России на свои традиционные исторические пути: «...ураган не только весь в движении, он к тому же еще и не принадлежит никому. Единственное, кому он может принадлежать, — стихиям родины».

Отзывы критики были положительными. Левон Григорян в интервью, опубликованном в «Лит. газ.» (2002. 30 янв.—5 февр.), говорил: «Казалось бы чем не чисто развлекательный авантюрно-приключенческий роман? А в его основе — поиск ответа на вопрос о том, как жить дальше, выработка спасительной для всего Отечества русской идеи». К. Кокшенева, высоко оценив роман С., подчеркнула, что «Русский ураган» является контрроманом по отношению к произведениям, в которых о народе говорится в темных тонах (Москва. 2001. № 1).

С. продолжал работать над исторической темой: в соавторстве с С. Семановым была создана книга «Макаровы» из серии «Знаменитые русские фамилии» (М., 2001). В 2003 увидел свет роман «Александр Невский». Из-под пера С. вышло немало статей на остроактуальные темы, связанные с русской историей, русской лит-рой, русской культурой.

Соч.: Похоронный марш: роман. М., 1988; Заблудившийся БТР. М., 2001; Страшный пассажир: Роман-анекдот // Наш современник. 1994. № 6–8; Тридцать три удовольствия. М., 1994; Октавиан Стампас Рыцарь Христа. М., 1996; Рыцарь Христа. М., 1997; Евпраксия [нов. назв. «Рыцаря Христа»] // Роман-газ. М., 1990; Тамерлан. М., 1997; Роман-газ. М., 1997; М., 2001; Октавиан Стампас. Древо Жизора. М., 1997; Древо Жизора. М., 1997; Государь Иван Третий // Наш современник. 1997; Державный [нов. назв. романа «Государь Иван Третий»]. М., 1997; Роман-газ. М., 1998; Русский ураган. М., 2001; Александр Невский. М., 2003.

Лит.: Кокшенева К. Какого вы духа? Роман Александра Сега «Русский ураган» // Москва. 2001. № 1.

А. И. Филатова

О. А. Седакова

СЕДАКОВА Ольга Александровна [26.12. 1949, Москва] — поэтесса, переводчица, эссеистка.

Окончила филол. ф-т МГУ в 1973, в 1980 — аспирантуру Ин-та славяноведения и балканистики АН СССР. Канд. филол. наук. В последние годы преподает в МГУ. Впервые фамилия С. появилась в 1960 в книге «Дети пишут стихи». Учась в школе, посещала лит. студию при Дворце пионеров. В 1962–67 ее стихи и поэмы регулярно появляются в газ. «Пионерская правда», «Комсомольская правда», «Московский комсомолец», в ж. «Вожатый» («Присягаю тебе, Комсомол!», «Куба», «Тебе, Вьетнам!», «Уходили комсомольцы...», «Июнь»). В юные годы она была близка к поэтической группе «СМОГ» (Самое Молодое Общество Гениев), куда входили Л. Губанов, В. Алейников, А. Басилова, А. Величанский и др. поэты, не признаваемые официальными лит. кругами. Сама поэтесса считает, что ее соратники и единомышленники — петербургские поэты В. Кривулин и Е. Шварц.

Характеризуя творчество С., известный совр. филолог Вяч. Вс. Иванов писал: «Задача поэта — еще раз оживить название вещей... Ремесло поэта... — протереть стекло, сквозь которое другие — будущие — читатели перестали различать предметы, показать их заново и назвать... И люди от поэта снова научат-

ся словам и их смыслу...» ([Предисл. к подборке стихов С.] // Дружба народов. 1988. № 10). Показательны строки С: «В пустыне жизни... Что я говорю, / в какой пустыне? В освещенном доме, / где сходятся друзья и говорят / о том, что следует сказать. Другое / и так звучит...» (Стихи. М., 1994. С. 208). Некоторые критики связывают творчество поэтессы с попытками в конце 1960–70-х преодолеть влияние поэтик Серебряного века, вызвавших к жизни много подражаний (Гронас М. Кто хочет то, что все хотят хотеть // Книжное обозрение. 1995. № 3). Для этого С. избрала путь чистой, «философской» лирики, выходящей на уровень общеевропейских интеллектуальных и культурных традиций. Однако в этом можно усмотреть не столько противопоставление лирике начала века, сколько продолжение некоторых ее направлений, также характеризовавшихся философичностью и стремлением интегрироваться в европейское культурное пространство.

В своих стихотворных текстах С., как правило, избегает метафорических излишеств — отбор эпитетов отличается сдержанностью, образные сравнения точностью. В основе поэтики ее стихов лежит то сложное и трудно формулируемое созвучие стихотворных рефлексий различных пространственных и временных пластов, которое на интуитивном уровне позволяет читателю почувствовать некую связь, некий изначальный смысл, соединяющий голоса поэтов различных эпох. С. не столько цитирует тексты, сколько сопоставляет смыслы, и через эти сопоставления позволяет читающему улавливать отзвуки иной и более важной мысли. Ведь важен не образ, а культурный архетип и, по ее утверждению, личное не имеет значения в мире, «переживаемом в присутствии Смысла Высшего Начала» (**Музыка глухого времени** // Вестник новой лит-ры. 1990. № 2. С. 263). Если цель определенного типа поэзии создать формулу, словесное выражение движения души, чувства, мысли, то кажется, что поэтесса преследует обратную цель: через словесную форму разбудить некое глубинное ощущение, некую тонкую, почти эфемерную мысль, хрупкое и драгоценное чувство. Поэтому при всей очевидной ясности и четкой отработанности слова стихи С. отличаются общей недосказанностью, загадочностью, эзотеризмом. Как замечает сама поэтесса в предисл. к упоминавшемуся сб. «Стихи», «...собрание стихов — не столько сумма каких-то отдельных утверждений, сколько история опровержения себя: „Неизвестно куда, но прочь“».

Универсальность эстетики С, ее открытость различным культурам проявляется и в частых стилизациях в античном, средневековом или китайском ключе. Однако поскольку для поэзии С. характерна устремленность от слова к духу, подражательность для нее важна не как способ поиска сюжета, но как обретение гармоничного настроения, мелодии, пробуждающей дремлющую интуитивную область чувства. «Стильность такого рода, — замечает С., — приблизительно то же, что тонированная бумага для рисовальщика: иному рисунку приятнее расположиться на подцветке» (Laterna Magika: альм. М., 1991. С. 5).

У С. есть и глубоко религиозные, духовные стихи, в которых нередко содержится мысль о том, что земная жизнь человека — лишь подготовка к жизни вечной; счастье, радость, смысл своих деяний ее лит. герой видит не в сиюминутной целесообразности бытия, а в духовной перспективе вечности. Хотя поэзия С. в значительной своей части может рассцениваться как поэзия религиозная и христианские мотивы и символы в ней несомненно доминируют, все же чисто христианской ее назвать нельзя. В языке и образах ее стихов вполне явственно ощущается влияние язычества с его магией, традицией ритуальной ворожбы, заклинаний, заговоров — в сущности, той культуры «языческого христианства», которое так характерно для старой России: «Ох, не любят грешного человека / зеркала и стекла, и вода лесная: / там кровь чужая то бежит, как ветер, / то свернется, как змея больная...» (**Китайское путешествие. Стелы и надписи. Старые песни**. М., 1990. С. 41).

Пожалуй, наиболее яркой чертой лирического дара поэтессы, позволяющей говорить о религиозности этих стихов, является присутствие в них ощущения чуда. Считая, что всякая вещь, предмет, слово обладают некоей потайной дверью, через которую можно проникнуть за завесу обыденной реальности, привычной очевидности, С. в духовном пространстве, своего стиха создает ощущение возможности этого проникновения за материальную оболочку и постижения неведомого чудесного мира: «...Найти места / неслышной музыки: ее созвездья, цепи, / горящие переплетением счастья, / в которой эта музыка сошлась...» (Стихи. М., 1994. С. 209).

Стихам С. присуща не только смысловая тонкость и философская глубина, но и «совершенство ритмической организации текста... виртуозная работа с рифмой, и тонкая структура звуковых повторов, выступающих

и как средство эвфонии, и как выделительный элемент, ритмическая метафора» (Кузьмин Д. Нежность — это выздоровление // Книжное обозрение. 1994. № 10).

В 1970–80-е ее стихи появлялись в самиздате и за рубежом (ж. «Грани» в Германии, парижский сб. стихов). Ее проза опубликована в альм. «Laterna Magika» (М., 1991). В 1980 С. стала лауреатом лит. премии им. А. Белого, учрежденной редколлегиями самиздатских ленинградских ж. «Часы», «37», «Обводный канал». Она награждена Парижской премией русскому поэту (1994), Европейской премией по поэзии (Рим, 1996). В 1998 поэтессе была вручена учрежденная главой католической церкви папой Иоанном Павлом II премия им. Вл. Соловьева за писательский вклад в сближение христианства Запада и Востока. В 1999 С. — член жюри лит. премии Букера «За лучший роман года».

В 1988 ж. «Дружба народов» (№ 10) напечатал большую подборку ее стихов. Позже стихотворные подборки поэтессы публиковали ж. «Новый мир» (1990. № 5), «Знамя» (1991. № 6), «Согласие» (1991. № 9) и др. С. также опубликовала статьи: о совр. поэзии (Вестник новой лит-ры. 1990. № 2; Волга. 1991. № 6), о творчестве В. Кривулина (Дружба народов. 1991. № 12; Независимая газ. 1998. 22 окт.), о Л. Губанове (Волга. 1990. № 6), об Арсени Тарковском (Волга. 1990. № 12), об А. Блоке (Независимая газ. 1998. 7 окт.).

Стихи С. переводились на английский, итальянский, немецкий, французский и др. яз. Поэтессе принадлежат стихотворные переводы из Р.-М. Рильке, Поля Клоделя, Пауля Целана, Томаса Элиота, Эзры Паунда, Эмили Дикинсон, Св. Франциска Ассизского, Пьера Ронсара, английского детского фольклора и др. В 1996 в С.-Петербурге опубликована переведенная С. с греческого яз. «Рождественская история по Евангелию от Луки».

В 2003 С. награждена премией А. Солженицына «За успешное устремление простым лирическим словом передать таинственность; за тонкость и глубину филологических и религиозно-философских эссе».

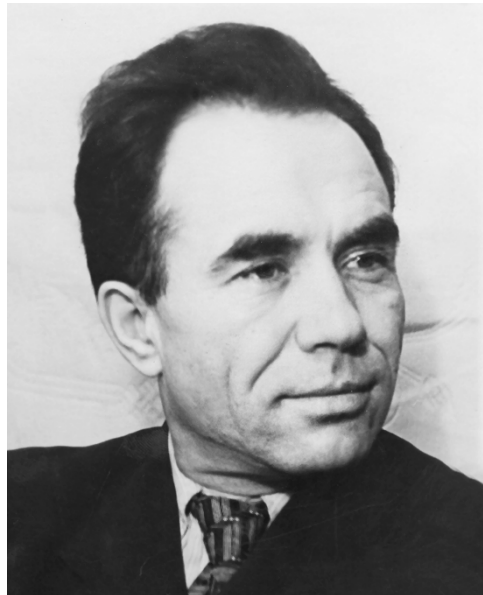
Соч.: Соч.: в 2 т. М, 2001; Врата, окна, арки: стихи. Париж, 1986; The Silk of Time. Keel University [New Castle], 1994; Стихи. М., 1994; Дикий шиповник: на русском и английском яз. Лондон, 1997; Старые песни: на русском и иврите. Иерусалим, 1997; Стихи // Континент. 1998. № 1; Путешествие в Тарту и обратно. Запоздавшая хроника: эссе // Знамя. 1999. № 4; Воля к форме (о творчестве И. А. Бродского) // Новое лит. обозрение. 2000. № 5; Путешествие волхвов. М, 2001;

«Неудавшаяся епифания»: два христианских романа — «Идиот» Ф. М. Достоевского и «Доктор Живаго» Б. Л. Пастернака // Континент. 2002. № 2; Мы только начали говорить: Речь на вручении премии А. И. Солженицына // Лит. газ. 2003. № 19–20; Джон Донн. По ком звонит колокол: стихи / пер. совместно с А. Нестеровым. М., 2004.

Лит.: Эпштейн М. Концепты... Метаболы...: О новых тенденциях в поэзии // Октябрь. 1988. № 4; Гронас М. Кто хочет то, что все хотят хотеть // Книжное обозрение. 1995. № 3; Полухина В. Интервью с О. Седаковой // Бродский глазами современников. СПб., 1997; Уланов А. Ольга Седакова: Сложность лиры // Независимая газ. 1998. 16 июня; Уланов А. Ольга Седакова — первый лауреат премии общества им. Владимира Соловьева // Книжное обозрение. 1998. № 30; Ковалева И. Переход к цитате [Рец. на: О. Седакова. Соч.: в 2 т.] // Независимая газ. 2002. 18 апр.; Рагозина К. Искусство замедления шага [Рец. на: О. Седакова «Путешествие волхвов»] // Новое лит. обозрение. 2002. № 4; Trofimova E. Ol'ga Sedakova // Dictionary of Russian Women Writers Westport; Connecticut; London, 1994; Bohmig M. Presenze femminili nella poesia russa degli anni 80–90: Ol'ga Sedakova // La letteratura russa contemporanea. Bologna, 1998.

Е. И. Трофимова

СЕДЫХ Константин Федорович (псевдонимы Дед Софрон, Боль, Митка Весельчак и др.) [8(21).1.1908, пос. Поперечный Зерентуй Забайкальской обл. (ныне Читинская обл.) — 21.11.1979, Иркутск] — прозаик, поэт.

К. Ф. Седых